

УДК 821.161.1.09"20"

Н. Г. Коптелова

*Костромской государственной университет
nkoptelova@yandex.ru*

**ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ В СТИХОТВОРЕНИИ
В. Ф. ХОДАСЕВИЧА «ДОМ»
(сборник «Путём зерна»)**

В статье характеризуются ключевые философские мотивы, использованные В. Ф. Ходасевичем в стихотворении «Дом», вошедшем в сборник «Путём зерна». Прослеживаются их мифологические и библейские истоки, а также показываются диалогические переключки с произведениями А. С. Пушкина.

Ключевые слова: В. Ф. Ходасевич, А. С. Пушкин, философские мотивы, образ дома, диалог.

Natalia G. Koptelova

Kostroma State University

**PHILOSOPHICAL MOTIVES IN V. F. KHODASEVICH'S POEM "HOUSE"
(collection "The Path of Grain")**

The article characterizes the key philosophical motifs used by V. F. Khodasevich in the poem "House", included in the collection "The Path of Grain". Their mythological and biblical origins are traced, as well as dialogical echoes with the works of A. S. Pushkin are shown.

Keywords: V. F. Khodasevich, A. S. Pushkin, philosophical motives, the image of the house, dialogue.

Как известно, в своей творческой биографии поэтическому сборнику «Путём зерна» (1920) В. Ф. Ходасевич отводил особое место. В него вошли стихотворения, в которых отражается сложная траектория духовных исканий автора, активизированных переживанием трагических событий Первой мировой войны и революции 1917 года. Несомненно, художественную идеологию этого сборника во многом формирует соположенное развитие мотивов умирающего и воскресающего зерна и утраченного, но заново построенного дома. В предложенной статье мы охарактеризуем философские мотивы, содержащиеся в стихотворении Ходасевича «Дом», являющемся одним из композиционных центров сборника «Путём зерна» и репрезентирующем ключевые аспекты авторской аксиологии. Показательно, что в этом произведении «возникает символический мотив семейного "гнезда", разорённого и разрушенного смерчем времени» [2, с. 14]: «Здесь домик был. Недавно разобрали / Верх на дрова <...>» [11, с. 109].

Несомненно, лексема с уменьшительно-ласкательным суффиксом «домик», использованная в первой строке, аллюзивно отсылает к образу «счастливого домика», поставленного в центр второго лирического сборника Ходасевича, и в то же время в данном поэтическом контексте полемично отрицает его. Но творческая авторефлексия, выраженная в этом стихотворении, дополняется и философским диалогом с А. С. Пушкиным, как постоянным и незаменимым собеседником. Автор стихотворения «Дом» обращается к мотивам пушкинских поэм «Домик в Коломне» и «Медный всадник». Об этих произведениях он размышлял и в своей критической статье «Петербургские повести Пушкина» (1915) [9]. Как и Пушкин, Ходасевич ставит в центр лирического повествования коллизию, вызванную вмешательством в жизнь отдельной личности, в мир неповторимого частного существования, «неведомых и враждебных сил», находящихся «вне доступного» человеку «поля действия» [9, с. 43]. Причём разрушение дома влечёт за собой и уничтожение особого «семейного космоса», заключённого в понятии «дом». Не случайно в финале стихотворения возникает образ «обрушившейся печи» [11, с. 111]. По поверьям восточных славян, печь воплощает сакральность иного типа, нежели красный угол. Как отмечает А. Л. Топорков, символика «печи» в мифологическом сознании относится не к «сфере ритуально-праздничного или этикетного поведения человека, а к его интимной, утробной жизни» [6, с. 364]. Показательно, что в стихотворении Ходасевича раз-

рушение печи, да и дома в целом, приводит к шокирующему раскрытию тайн личной жизни людей, вынося их на всеобщее обозрение и превращая глубоко интимное, «гнездовое» (высокое и низкое), в публичное:

<...> Затхлый холод
Идёт от груды мусора и щебня,
Засыпавшего комнаты, где прежде
Гнездились люди...
Где ссорились, мирились, где в чулке
Замызганные деньги припасались
Про чёрный день; где в духоте и мраке
Супруги обнимались; где потели
В жару больные; где рождались люди
И умирали скрытно, – всё теперь
Прохожему открыто [11, с. 109].

Лирический герой-повествователь осознаёт разрушение дома как уничтожение фундаментальных человеческих ценностей, как величайшую трагедию. Понимание масштаба утраты трансформирует и призму его восприятия, гиперболизируя увиденную лирическим субъектом страшную картину: исчезнувший с лица земли «домик» уже представляется ему величественным строением с пролётами «широких окон», а «рухнувшая балка» напоминает «колонну».

О диалогической перекличке с «Домиком в Коломне» свидетельствует и присутствующий в стихотворении Ходасевича мотив горького сожаления, вызванного разрушением «дома». У Пушкина читаем: «Лачужки этой нет уж там»; «Мне стало грустно: на высокий дом / Глядел я косо»; «Тогда блажен, кто крепко словом правит / И держит мысль на привязи свою, / Кто в сердце усыпляет или давит / Мгновенно прошипевшую змею» [5, с. 236–237]. Ностальгические воспоминания повествователя об исчезнувшей «смирненной лачужке», охватывающие в пушкинской поэме «Домик в Коломне» с девятой по двенадцатую октавы, отзываются в укоряющих размышлениях лирического героя Ходасевича о бесстрастном страннике, утешенном «песенкой времени» и с равным спокойствием принимающем разрушение и «чертогов великого Рамсеса», и «лачуги» неизвестного «подёнщика» [11, с. 109]. Об этом свидетельствует сходство поэтических высказываний Пушкина и Ходасевича. У Пушкина: «Тогда блажен, кто крепко словом правит» [5, с. 237]. У Ходасевича: «О, блажен, / Чья вольная нога ступает бодро / На этот прах, чей посох равнодушный / В покинутые стены ударяет!» [11, с. 109]. Образ «смирненной лачужки», созданный в «Домике в Коломне», у Ходасевича превращается в образ «лачуги подёнщика».

Во втором абзаце стихотворения Ходасевича останки разобранного дома обретают облик возвышенного над землёй, почти космического пространства, близкого к небу и звёздам, описанного лирическим повествователем с интонацией эпической торжественности:

Вот лестница с узором
Поломанных перил уходит в небо,
И, обрываясь, верхняя площадка,
Мне кажется трибуною высокой.
Но нет на ней оратора. – А в небе
Уже горит вечерняя звезда.

Водительница гордого раздумья [11, с. 109].

Однако благодаря вторжению горькой иронии текст этой строфы наполняется смысловой полифонией. Представляется, что в данном поэтическом отрывке в ироническом ключе происходит полемическое переосмысление ветхозаветного образа лестницы, соединяющей землю и небо и явленной в видении Иакова (Ветхий Завет: Бытие: глава 28). Как известно, этот об-

раз наследуется христианством и толкуется как символ духовного восхождения («Лествица» Иоанна Лествичника; конец VI века). В Библии сказано: «И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх её касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. / И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака; Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему; / и будет потомство твоё, как песок земной; и распространишься к морю и к востоку, и к северу и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные; / и вот Я с тобою, и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю, ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе. / Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал! / И убоился и сказал: как страшно сие место! это не иное что, как дом Божий, это врата небесные» (Ветхий Завет: Бытие: глава 28: 12–17). Ходасевич же вводит в подтекст второй строфы стихотворения «Дом» мотив богооставленности. Он пародийно осовременивает и тем самым лишает сакрального смысла библейские мотивы: лестница, уходящая в небо, рисуется с «поломанными перилами»; обращение Творца к Иакову («И вот, Господь стоит на ней и говорит...») вообще заменяется иронически окрашенным образом «высокой трибуны», на которой нет «оратора» [11, с. 109]. Примечательно, что в своих статьях «Петербургские повести Пушкина» [9, с. 39] и «Кошунства» (1924) Ходасевич доказывал, что для художественного мышления Пушкина было характерно настойчивое стремление к пародии, в том числе и религиозных образов и мотивов: «Пародийные задания и приёмы наблюдаются в огромном количестве. <...> Кошунства Пушкина связаны с этим влечением к пародии. Они из него возникают» [10, т. 3, с. 462]. Рассуждения Ходасевича-критика дают ключ и к пониманию его поэзии: они свидетельствуют о том, что пародирование ветхозаветного образа «небесной лестницы», возникающее в стихотворении «Дом», генетически связано тоже с поэтикой Пушкина.

В третьей строфе можно видеть смысловую антитезу первой строфе. Утешающая «песенка времени», над которой горько иронизировал лирический герой, испытывавший неподдельную боль от мысли о разрушении дома, неожиданно превращается в трагическую и парадоксальную «хвалу времени», выраженную с помощью оксюморонных сочетаний: «Да, хорошо ты, время. Хорошо / Вдохнуть от твоего ужасного простора» [11, с. 110]. В самой природе человека Ходасевич видит скрытую и дерзкую «жажду пойти навстречу неведомой силе» [9, с. 45], проявляемой в страшных и опасных для него событиях, в разрыве времён, чтобы испытать странный восторг:

К чему таиться? Сердце человекье
Играет, как проснувшийся младенец,
Когда война, иль мор, или мятеж
Вдруг налетят и землю сотрясают;
Тут разверзаются как небо, времена –
И человек душой неутолимой
Бросается в желанную пучину [11, с. 110].

Думается, эти философские размышления во многом навеяны строками Пушкина из «Пира во время чумы», которые, по признанию самого Ходасевича, поразили его своей глубиной: «Всё, всё, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Незыблемы наслажденья – / Бессмертья, может быть, залог!» [9, с. 45]. Но в определённой мере они перекликаются с блоковским и общесимволистским поклонением «стихий», оттеснившей «культуру» [4, с. 490–493].

В четвёртой части стихотворения «Дом» Ходасевич создаёт свой миф о времени, переосмысливая концепцию «четырёх стихий» («воздуха», «воды», «земли» и «огня»), восходящую к натурфилософии античности и весьма востребованную в мировой литературе [8, с. 42–47]. Поэт вводит в структуру традиционных представлений о «стихиях», как первоэлементах мироздания, отголосок мифа о саламандре, живущей в огне [7, с. 320], а также свою авторскую

мифопоэтическую «версию» о «пятой стихии», «времени», – среде обитания, органичной только для человека:

Как птица в воздухе, как рыба в океане,
 Как скользкий червь в сырых пластах земли,
 Как саламандра в пламени – так человек
 Во времени [11, с. 109].

При этом, согласно художественной философии Ходасевича, человек не только пытается измерить бездну времени, но и своевольно чередует в историческом потоке разрушение и созидание, испытывая и «ужас», и «тайное сладострастье»: «<...> Человеку / Ломать и строить – равная услада: / Он изобрёл историю – он счастлив!» [11, с. 109]. В завершающей тираде, выполняющей функцию эпилога, описывается, как лирический герой вместе с «горбатой старухой» покорно и смиренно разбирает останки разрушенного дома, словно расчищая место для нового строительства. Сцена, рисующая совместную «работу» повествователя и старухи, уничтожающей последние приметы бывшего человеческого жилища, отличается точным описанием жестов и движений лирических персонажей, предельной конкретизацией визуальных и звуковых деталей:

Но вот –
 Шуршат шаги. Горбатая старуха
 С большим кулём. Морщинистой рукой
 Она со стен сдирает паклю, драмки
 Выдёргивает, молча подхожу
 И помогаю ей, и мы в согласьи добром
 Работаем для времени [11, с. 109].

Однако в облике «горбатой старухи», описанном столь реалистично, проступают черты греческой богини судьбы, мойры Атропос (парки Морты – у древних римлян), неотвратно приближающей будущее и обрывающей земное существование человека [3, с. 169]. Индивидуально-авторская трансформация этой мифологемы в стихотворении Ходасевича выражается в замене смертного мотива обрезания нити жизни мотивом довершающего разрушения дома. В конце концов, принятие трагической утраты дома для лирического героя мотивируется осознанием непреодолимого закона времени, пониманием того, что из этой предназначенной ему «стихии» человек не волен вырваться, а может ей только подчиниться. При этом философский аккорд, звучащий в финале стихотворения «Дом», в смысловом отношении вполне «рифмуется» с выводом, сделанным в стихотворении «Жеманницы былых годов...», завершающем раздел «Пленные шумы» в сборнике «Счастливый домик». В упомянутом произведении доминирует «мотив отказа от дома-усадыбы прошлых веков, как символа обветшавшего и давно ушедшего прошлого» [2, с. 12]: «И сладко было мне сознание, / Что мир ваш навсегда исчез / И с ним его очарованье» [11, с. 64]. Как и в стихотворении «Дом», лирический субъект Ходасевича здесь «мысленно устремляется в будущее»: «О, пусть отныне жизнь мою / Одно грядущее волнует» [2, с. 12]. Несмотря на разрушение и утрату дома-усадыбы, былого «дворянского гнезда», являвшегося символом культуры XIX столетия («Я думал: в грустном сем краю / Уже полвека всё пустует») [11, с. 64], лирический герой всё-таки слагает гимн Сатурну, в римской мифологии – неумолимому, всесильному и беспощадному богу времени, как созидающему, так и разрушающему:

Блажен, кто среди разбитых урн,
 На невозделанной куртине,
 Прославит твой полёт Сатурн,
 Сквозь многозвёздные пустыни! [11, с. 64].

Образ Сатурна, отождествляемый в сознании древних римлян с «семенем, возвратившимся в породившую его землю» [12, с. 417], в данном поэтическом контексте не только раскрывает

тему власти времени, но и имплицитно содержит в себе символику сборника «Путём зерна». Итак, в стихотворении «Жеманницы былых годов...» уже закладываются некоторые ключевые идейные «узлы» художественной концепции, воплощённой в стихотворении «Дом».

Тем не менее, завершающим звеном лирического сюжета, намеченного в сборнике «Путём зерна», становится создание нового домашнего пространства, возвращающего лирическому герою душевную гармонию (финальные стихотворения «Без слов» и, особенно, «Хлебы»). Причём обустройство дома происходит благодаря возлюбленной лирического субъекта, рукодельнице («Без слов») и заботливой, хлопотливой хозяйке («Хлебы»). В стихотворении «Без слов» именно молчаливая героиня, создательница уютной домашней атмосферы, показавшая своему спутнику жизни сшитый ею платок, словно подсказывает лирическому субъекту мысль о могуществе Божьего промысла, возвращая его к спасительной вере в Творца:

Ты показала мне без слов,
Как вышел хорошо и чисто
Тобою проведённый шов
По краю белого батиста.

А я подумал: жизнь моя,
Как нить, за Божьими перстами
По лёгкой ткани бытия
Бежит такими же стежками [11, с. 113].

Примечательно, что в стихотворении «Хлебы» Ходасевич оригинально использует приём экфрасиса, подпитывая его светлым юмором. Поэт словно вписывает «домашнее» и сугубо земное событие выпечки хлеба в сюжет европейской религиозной живописи, приобщая образ изображённой на картине прекрасной «хозяйки» к миру Бога. Неслучайно героиня печёт хлеб в окружении ангелов, заботливо ей помогающих, а всё пространство дома пронизано ярким мистическим светом.

Если в стихотворении «Дом» образной точкой, завершающей картину разорённого дома, становится символ «обрушившейся печи» [11, с. 111], то в «Хлебах» печь с разожжённым огнём, согласно представлениям восточных славян, оказывается не только приметой заново построенного, возрождённого жилища, его сакральным центром, но и знаком «женского пространства» [1, с. 129, 160–162].

Литература

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
2. Коптелова Н. Г. Образ дома в лирике В. Ф. Ходасевича (на материале сборника «Счастливый домик») // Костромской гуманитарный вестник. 2014. № 1 (7). С. 8–14.
3. Лосев А. Ф. Мойры // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2: К–Я. М., 1982. С. 189.
4. Минц З. Г. Блок и русский символизм // Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 456–536.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / примеч. проф. Б. В. Томашевского; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); 4-е изд. Л., 1977–1979. Т. 4: Поэмы. Сказки.
6. Топорков А. Л. Печь // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 364–365.
7. Трессидер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М., 1999.
8. Третьяков Е. О. Философия и поэтика четырёх стихий в творческой системе Н. В. Гоголя / науч. ред. А. С. Янушкевич. Томск, 2015.
9. Ходасевич В. Петербургские повести Пушкина // Аполлон. 1915. № 3. С. 33–50.
10. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1996–1997.
11. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: в 8 т. / сост., подгот. текста и комм. Дж. Малмстада и Р. Хьюза; вступит. ст. Дж. Малмстада. М., 2009. Т. 1: Полное собрание стихотворений.
12. Штаерман Е. М. Сатурн // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2: К–Я. М., 1982. С. 417.